1
Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени
В. И. Ленина

МУРЗИЛКА

№-11 Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов НОЯБРЬ 1949

З. АЛЕКСАНДРОВА

Рис. Б. ДЕХТЕРЁВА

ОКТЯБРЬ

Всем он близок и дорог,
Светлый день Октября.
Школьник, сколько пятёрок
В честь него у тебя?

Дом до самого неба
У рабочих подрос,
Гору свежего хлеба
Дал народу колхоз.

Лес кленовый, кудрявый
Встал, поля заслоня, —
Потрудились наславу
Все для этого дня!

Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Бабушкин пряничек

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

Е. ШВАРЦ *Рис. В. ЩЕГЛОВА*

Когда мама, папа и дедушка уходили на завод, Ваня отправлялся в детский сад, и бабушка провожала его.

От дома до детского сада было всего только три квартала. Но бабушка и внук старались закончить все дела и выйти из дому пораньше. Оба любили эти утренние прогулки. И не всегда шли они самым коротким путём. Иногда бабушка и внук добирались до детского сада только через час.

В эти утренние часы внук расспрашивал, а бабушка рассказывала.

Многие дети любят читать одни и те же книжки и рассматривать одни и те же картинки. А Ваня любил бабушкины рассказы, как знакомую книжку, и мог слушать их много раз подряд. Бабушка охотно рассказывала всё об одном и том же. Правда, рассказы её становились день ото дня всё больше, всё длиннее. Росли вместе с Ваней.

— Ну? — спросила бабушка. — Какой же дорогой пойдём мы с тобой сегодня?

— Длинной! — ответил Ваня.

— Это можно, — согласилась бабушка. — Погода хорошая, время раннее.

— Пойдём мимо твоего дома! — попросил Ваня.

— И это можно! — ответила бабушка.

Они завернули за угол и пошли, не спеша, к новому четырёхэтажному дому, который возвышался в конце улицы.

Бабушка говорила, что дом этот построен недавно, а Ваня считал, что стоит дом на этом месте с незапамятных времён. Сколько Ваня помнил себя, столько и этот дом стоит.

Бабушка и внук остановились возле подъезда высокого дома.

— Вот на этом месте и стоял домик, в котором вы жили? — спросил Ваня, и бабушка ответила ему:

— Здесь он и стоял. Вот, где первый подъезд. Где вход в детскую консультацию и в ясли.

— Здесь ты и родилась?

— Да. И родилась, и выросла, и замуж вышла.

— И папа мой родился здесь?

— И он тоже.

— Зайдём!

— Хорошо, зайдём, — согласилась бабушка, и они вошли в первый подъезд и остановились у широкой лестницы.

— И весь домик мог бы поместиться вот тут, в подъезде, от входной двери до лестницы? — спросил Ваня.

— Весь! — ответила бабушка и вздохнула. — Вот примерно здесь стояла русская печка. А вот здесь висела люлька, в которой спал твой папа, когда был маленький.

— Вот здесь?

— Вот здесь!

Ваня посмотрел на то место, где спал его папа, когда был маленький, и засмеялся.

— А тебе жалко было, когда ломали старые домишки? — спросил Ваня.

— Нет, — ответила бабушка. — Свои же люди ломали, заводские. Для того ломали, чтобы построить новый дом для нас, для заводских рабочих. Ну, пойдём, внучек! А то мы на дороге стоим, людям мешаем. Вон, видишь, мамаша идёт.

И бабушка, улыбаясь, посторонилась и пропустила на лестницу женщину с грудным ребёнком на руках.

И вот бабушка и внук снова вышли на улицу.

— Ну! — сказал Ваня. — Ну, бабушка, рассказывай! Рассказывай, как жила ты в домишке вашем, когда была девочкой. Ну, пожалуйста! Ну, бабушка... Как вы жили при царе?

Бабушка подумала, вздохнула и стала рассказывать.

* * *

— Плохо мы жили в нашем домишке при царе. Трудно. Конечно, мы, дети, бывало и веселились, и смеялись, и зимой бегали по речке на самодельных деревянных коньках, но зато и плакать нам приходилось так горько, как тебе, внучек, никогда не придётся. Один день вспоминаю я. Второе января.

— День твоего рождения? — спросил Ваня.

— Да, — ответила бабушка. — Только давний-давний. В тот день исполнилось мне всего только восемь лет. И сказал мне отец, уходя на завод:

— Ну, Лена, жди. Я тебе сегодня подарок принесу, к рождению.

Не помню уж, как этот день прошёл и наступил вечер. И побежала я за ворота встречать отца.

Стою я, жду. Уже ночь приближается. Совсем темно стало на улице. Во всех окнах засветились огни. А отца нет и нет. Но вот вижу я, наконец, идёт к нашему дому какой-то человек.

Я к нему. Кричу:

— Папаня! Папаня!

А он не отвечает.

И тут вдруг узнаю, что это не папаня, а друг его и товарищ Яков Иванович Ломов.

Я ему говорю:

— Здравствуйте, дядя Яша.

А он не отвечает.

Я говорю:

— Дядя Яша! Это я! Лена! Вы меня не узнали?

Молчит.

Я говорю:

— Дядя Яша! Вы на меня сердитесь?

А он только рукою отмахнулся и вздохнул.

Открыл он калитку, поднялся на крыльцо и стал ноги вытирать. Вытирает, всё вытирает, а в дом не идёт.

Как будто боится к нам войти.

И вдруг я поняла: беда случилась! С плохими вестями пришёл дядя Яша.

Распахнул он дверь, наконец, и в дом.

Я за ним.

Дрожу вся.

Мама поднялась дяде Яше навстречу.

А он шапку снял, а «здравствуйте» не говорит.

Уставился в пол. Молчит.

Мама поглядела на него, потом на меня, побелела, как мел, и спрашивает:

— Он помер?

— Что ты, что ты! — закричал дядя Яша. — Нет, нет! Живой!

А потом добавил тихо, с неохотой:

— Ушибло его сильно. Колесом задело. Сколько раз просили мы сетку возле колеса установить — отказывают хозяева. Расход лишний. Дрожат, проклятые, трясутся над каждой своей копейкой. Одним рабочим меньше, одним больше — это им не расчёт. Народу хватит.

Мама полушубок накинула, шалью обвязалась.

— Бежим! — говорит. — Он в больнице?

— В больнице.

Пошли они быстро, и вдруг, у самой двери, Яков Иванович задержался и поманил меня к себе.

Я подошла.

А он достал из кармана большой пряник, фигурный. Человек на коне. Человек и конь — коричневые, а поводья, седло, стремена — белые. Сахаром облитые.

Достал дядя Яша пряник, подал мне и говорит:

— От отца подарок. К рождению. Он этот пряник по дороге на завод купил. Всё беспокоился, что забуду отдать. Бери скорее.

Мать шалью лицо прикрыла, чтобы я не увидела её слёз, опустила голову низко — и в дверь. Дядя Яша следом. И осталась я дома одна.

Села за стол, поближе к лампе.

Так тихо у нас в доме, так пусто! Некого мне больше сегодня ждать.

Вот тебе и рождение!

И заплакала я. Так заплакала горько, как тебе, внучек, никогда не придётся. И плакала я, всё плакала, пока не уснула, положивши голову на стол.

Просыпаюсь — рассвет за окном. В лампе синий огонёк над фитилём прыгает — кончился керосин. А мама ещё не вернулась.

Вскочила я, лампу задула, умылась, прибрала в комнате, печку растопила.

А пряник поставила на подоконник, прислонила к стеклу. Работаю и посматриваю на отцовский подарок.

Как вчера мы с мамой пообедали, так с тех пор я и не ела ничего.

Подошла я к окошку, взяла пряник.

Сейчас, думаю, поводья белые, сахарные, отломлю.

И не отломила.

Вот что я сделала.

Забралась я на табуретку и достала со шкафа картонную коробку. Хранились у меня в этой коробке все богатства: лоскутки разноцветные, картинки, глиняный петушок, серебряные бумажки из-под конфет. Разобрала я всё это добро и уложила на самое донышко заветный пряник.

Решила я твёрдо: нельзя! Пока не вернётся отец из больницы — не трону я его подарка.

И не тронула!

А нам трудно пришлось, пока отец хворал, очень трудно, внучек. Тогда кому до нас было дело? Хозяину? У него один был закон: работай на меня. А заболел — живи, как знаешь. Вот мы и жили. Случались дни — сухой корки дома нет. Вспомнишь пряник в такие дни — и сами руки к табуретке тянутся. Так и толкает голод: лезь на шкаф, снимай коробку, бери отцовский подарок!

Раза два я так и делала. Достану коробку, взгляну на пряник — и обратно уложу. Свято берегла я его до отцова возвращения.

И вот уже весна пришла. Вечера стали светлые. Стою я в один такой вечер за воротами, жду маму. Ушла она в больницу

отца проведать. И вот вижу, возвращается мама весёлая, даже ростом как будто повыше стала.

А рядом с ней кто-то идёт, прихрамывая.

Ой, да ведь это он, он, папаня!

И тут бабушка опустила голову, прикрыла шалью лицо и замолчала. И Ваня молчал. Только поглядывал на бабушку.

И, наконец, бабушка сказала:

— Вот тебе и всё, внучек.

— А пряник? — воскликнул Ваня.

Бабушка улыбнулась.

— Вернулся, значит, мой папаня из больницы. И утром на другой день вышел он во двор погреться на весеннем солнышке. Я возле верчусь. То помогу ему трубку раскурить, уголёк принесу из печки, то шаль притащу, ноги ему укрою. А он только посмеивается, радуется, что домой вернулся. И вспомнил отец про свой подарок, спросил, понравился ли мне пряник.

Я бегом домой. Да на шкаф. Схватила коробку — и к отцу. Так, мол, и так — цел ваш подарок, папаня! Глядите!

Отец головою покачал.

Спрашивает:

— Хотела, чтобы у тебя хоть что-нибудь осталось об отце на память?

Я кивнула. Отец повеселел и приказал мне:

— А теперь кусай, грызи этот пряник. Он уже, небось, каменным стал. Не одолеешь?

— Что вы, папаня! — ответила я.

Раз, два — и нет отцова подарка!

Вот тебе и всё, внучек.

* * *

Некоторое время бабушка и внук шли молча. Каждый думал о своём. Но вот Ваня спросил:

— А в школу ты, значит, не пошла в этот день?

— Куда, куда? — удивилась бабушка.

— В школу! — повторил Ваня. — Так весь день и пробыла со своим папой?

Бабушка покачала головой и ответила:

— Не училась я тогда в школе.

— Как не училась? — удивился Ваня. — Ведь тебе было тогда уже восемь лет!

— Для нас, детей рабочих, тогда школ нехватало!

— А где же ты училась читать и писать? Откуда ты всё знаешь так хорошо?

— Учиться я пошла, внучек, много-много позже, уже при советской власти. Кончила я школу для взрослых.

— Ну ещё, бабушка! Ещё! — попросил Ваня. — Ещё рассказывай! Ну, посидели вы с папой на солнышке, а потом что? Ну, пожалуйста! Бабушка!

— А потом, — ответила бабушка, — стали мы жить да поживать. Вот тебе и всё.

Ваня вздохнул.

— Ты почему вздыхаешь? — спросила бабушка.

Ваня вздохнул ещё раз и ответил:

— Потому что когда про несчастья рассказывают, то говорят длинно. А как только несчастья кончаются, сейчас же: «Вот тебе и всё». Даже в сказках — и то: «Я там был, мёд, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало!» И конец... Почему это?

Бабушка подумала и ответила:

— А по-моему, мы с тобою всю дорогу говорили длинно и подробно как раз про хорошее. Про то, что все несчастья прошли и никогда, никогда не вернутся.

И тут бабушка и внук подошли к детскому саду и попрощались до пяти часов.

А. ДРОЗД

Рис. Ю. КОРОВИНА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ МАШИНЫ

Везут на буксире
Машину в завод.
Глядит на машину
С улыбкой народ:
Стара и убога
Машина на вид,
Помята кабина,
И кузов разбит.
Мотор заржавел
От ветров и дождей,
И краска повсюду
Слиняла на ней.
Совсем без резины
Одно колесо —
Хромает «ЗИС-5»,
Загребая песок.

А было ведь время,
Когда и она
Возила просёлками
Тонны зерна,
Дрова вывозила
Из леса зимой,
Чтоб было в квартире
Тепло нам с тобой.
Возила ребят
В лагеря отдыхать,
Могла по дорогам
Бежать и бежать...
Прошла, пробежала
Немало путей,
Служила исправно
Она для людей.

Но вот разразилась
Война над страной.
Машина спешит
К полосе фронтовой.
Снаряды, одежду
Везёт для бойцов
И письма ребят
Для героев-отцов.
Была в Сталинграде,
Была под Москвой,
К Берлину пришла
Автострадой чужой.
И здесь, под Берлином,
В жестоком бою
Закончила жизнь
Фронтовую свою.

А это случилось,
Друзья мои, так:
В атаку последнюю
Ринулся враг.
Всю технику бросил
В атаку свою,
Но насмерть стояли
Солдаты в бою.
Кончались снаряды,
Дрожала земля...
— Эх, если б немного
Прибавить огня! —
И в эту минуту
Под грохот и вой
Трёхтонка снаряды
Доставила в бой.

И снова другие
Пришли времена,
На склад после фронта
Попала она.
Работа кипит
На широких полях,
Работа кипит
На заводах в цехах.
Заняться машиной
Настала пора.
Не так уж трёхтонка,
Ребята, стара.
Послужит стране
Не один ещё год.
И медленно входит
Машина в завод.

Приёмщик машину
Кругом осмотрел,
Вздохнул глубоко,
На подножку присел,
Достал из кармана
Потёртый блокнот,
В блокноте пометил
Всю опись работ:
Резину сменить,
Крыло подварить,
Прочистить,
Промыть,
Разобрать,
Чтоб снова трёхтонка
Знакомой сторонкой
Могла по дорогам бежать.

Под грохот металла,
Под говор и смех
Заходит машина
В разборочный цех.
Пришлось потрудиться
Над ней слесарям!
Они разобрали
Её по частям:
Тяжёлые скаты
И винтик простой —
Всё бережно снято
Рабочей рукой.
Трудились до пота,
Трудились не зря.
Хвала вам и слава
За труд, слесаря!

А рядом с разборкою
В цехе другом
Стоит паренёк
За токарным станком.
Умело резец
Направляет рука,
И змейкою стружка
Бежит от станка.
Он точит детали
С любовью, с душой,
Чтоб стала машина
Немедленно в строй.
Его ремеслу
Научила страна,
Работой парнишки
Довольна она.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

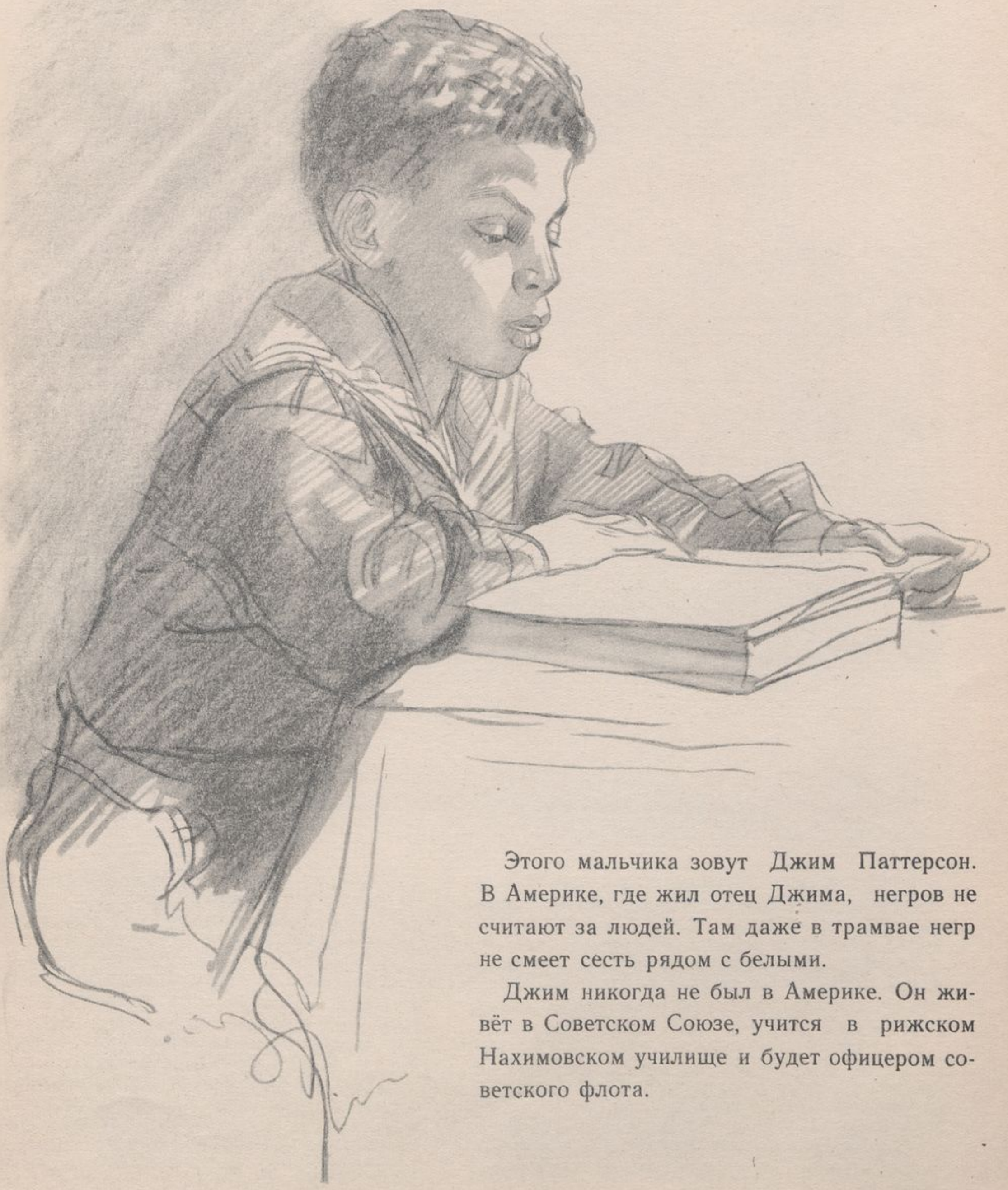
Гуляет машина
По светлым цехам,
Частями её
Ремонтируют там:
Здесь сварка сверкает,
Там молоты бьют —
Строгают, шлифуют,
Клепают, куют...
Горячее время,
И медлить нельзя —
Хлеба колосятся
На поле, друзья.
Нужна там машина,
Как воздух, теперь,
Чтоб вывезти с поля
Зерно без потерь.

Конвейера лента
По цеху ползёт,
Подъёмник мотор
На шасси подаёт,
Стучат молотки,
Закрепляется руль,
В капоте не видно
Пробоин от пуль.
Закручены гайки
Тяжёлых колёс —
Теперь им не страшен
Ни зной, ни мороз.
Сквозь новые стёкла
Приятно смотреть,
Все смазаны части,
Чтоб им не ржаветь.

С конвейера сходит
Машина «ЗИС-5».
Машину теперь
Невозможно узнать:
Как прежде, красива,
Как прежде, сильна,
И свежею краскою
Пахнет она.
Садится в кабину
Бывалый шофёр,
Привычной рукою
Заводит мотор.
Любуясь машиной,
Дивится народ,
По номеру только
Её узнаёт.

Стоит под погрузкой
Трёхтонка опять,
За скирдами хлеба
Её не видать.
Дрожат в синеве
Паутинки над ней,
Доносится говор
Весёлый с полей.
Дождливая осень
Стучится в окно —
Убрать надо с поля
Быстрее зерно.
И снова просёлками,
Ветру подстать,
Безустали мчится
Машина «ЗИС-5».

Рис. Н. ЖУКОВА



Этого мальчика зовут Джим Паттерсон. В Америке, где жил отец Джима, негров не считают за людей. Там даже в трамвае негр не смеет сесть рядом с белыми.

Джим никогда не был в Америке. Он живёт в Советском Союзе, учится в рижском Нахимовском училище и будет офицером советского флота.

„АВР

«Аврора» — это значит утренняя заря. Так называется корабль Балтийского флота, крейсер, славное имя которого навсегда связано с памятью о великих днях Октября.

Осенью 1917 года большевики готовились взять власть в свои руки. Рабочие с оружием в руках ждали, когда Ленин и Сталин дадут сигнал к восстанию.

В то время русского царя уже свергли с престола. Но купцы, фабриканты и помещики обманули народ и отдали власть своим министрам.

Народ давно не верил предателям, но власть ещё оставалась в их руках. Боясь народного гнева, они вызвали с фронта войска на помощь, а сами укрылись в царском дворце и приказали развести мосты через Неву.

В ночь на 25 октября, выполняя волю партии большевиков, матросы «Авроры» вошли на своём боевом корабле в Неву и встали на якорь против Зимнего дворца.

Заскрипели блоки. Просторные шлюпки спустились на воду. Сотни матросских ленточек затрепетали на ветру. С винтовками наперевес, с гранатами в руках, под защитой грозных орудий крейсера матросы высадились на берег, оттеснили юнкеров и навели мост...

Когда утренняя заря поднялась над городом, тысячи вооружённых рабочих с красными знамёнами, с боевыми песнями перешли Неву и хлынули на Дворцовую площадь.

Днём шли бои на улицах. Весь город был в руках восставшего народа. А министры всё ещё

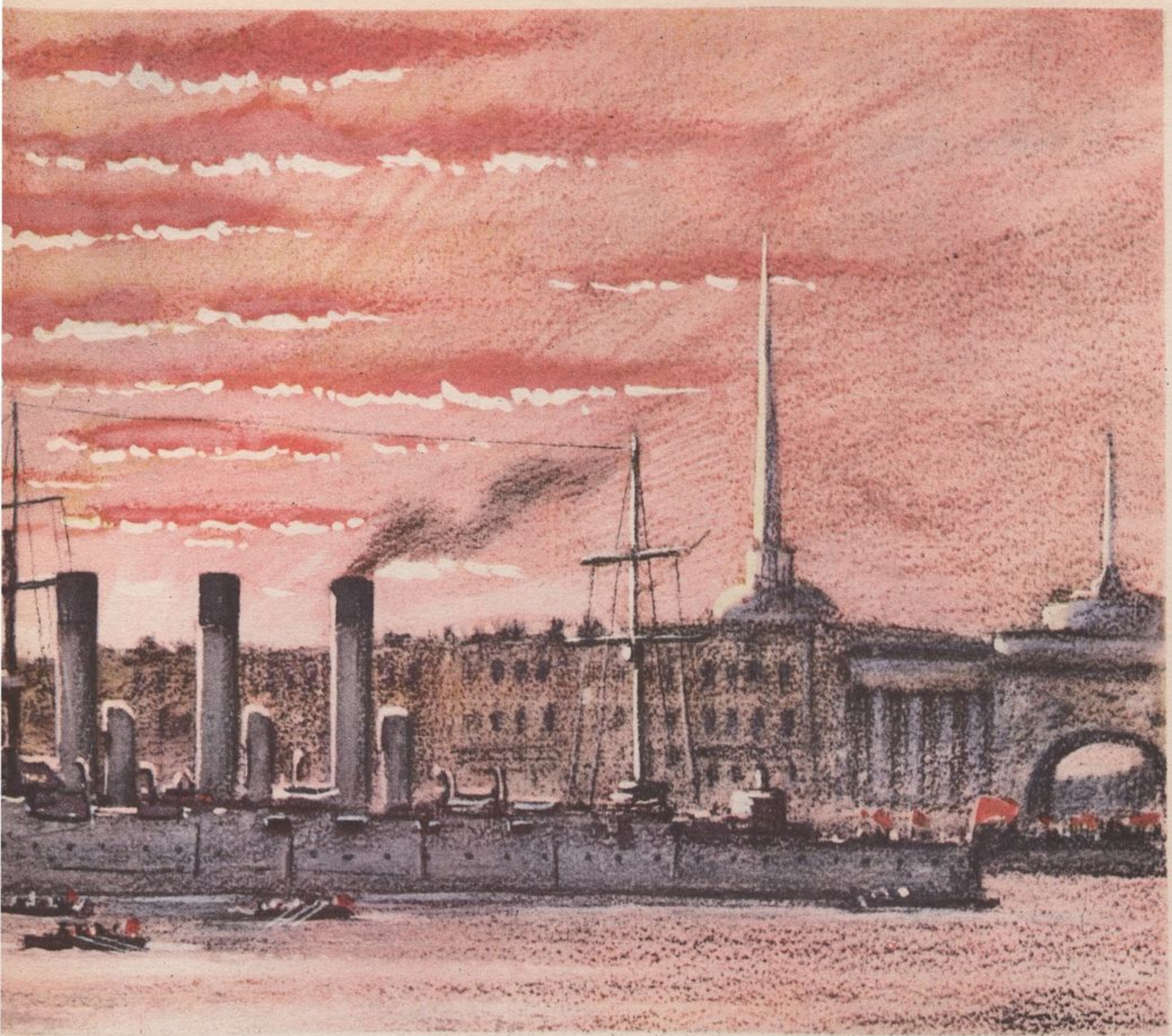


Рис. В. БИБИКОВА

О Р А“

верили, что им удастся остановить революцию, и не хотели сдаваться.

Тогда Владимир Ильич Ленин потребовал, чтобы Зимний дворец был взят штурмом. И когда последние проблески дня угасли и тёмная осенняя ночь легла над городом, со стен Петропавловской крепости замигал сигнальный огонь.

Это был боевой приказ «Авроре». Он означал: «Частая стрельба холостыми!»

Огненные языки вырвались из орудий крейсера, осветили берега Невы, отразились в тёмных окнах дворца, и в тот же миг грозный грохот пушек прокатился над городом.

Под гром орудий «Авроры» солдаты революции ворвались в Зимний дворец...

Власть купцов и помещиков пала навсегда. Великая Октябрьская революция победила.

Прошли годы. Новые корабли вступили на боевую вахту. А грозный когда-то крейсер «Аврора» советский народ сохранил для потомства.

«Аврора» и сейчас стоит в Ленинграде, а боевую вахту на славном крейсере несут нахимовцы.

Здесь они овладевают сложными морскими науками; здесь они привыкают к суровой жизни моряка; здесь они учатся быть такими же стойкими, такими же бесстрашными, такими же преданными делу Ленина—Сталина, какими были матросы «Авроры» в славные дни Октября.

СТЕПАН КОСОВ

ТРОПИНКА

Только посветлело окно, Лена проснулась. Слышит, бабушка на кухне легонько самоваром гремит. Лена сбросила с себя одеяло и бегом на кухню. Бабушка на неё зашикала.

— Куда ты такую рань поднялась, разбудишь всех!

— Бабушка, бабушка, пусти меня на улицу.

Одела её бабушка, обула и тихонько дверь отворила.

— Смотри, Лена, в снегу не увязни. Ночью сугробы намело.

На улице нет никого. Только Полкан за ворота выбрался и в снегу валяется. А снегу, молодого, пахучего, полна улица. На столбах у палисадника белые шапки, кусты акации совсем к земле пригнуло.

Отряхнулся Полкан от снега, стал воздух нюхать. Захотелось ему улицу перейти. Полез Полкан через сугроб — увяз, чуть только ушки видно.

«Надо тропинку делать», — подумала Лена.

Взяла она свою маленькую лопату и там, где Полкан пролез, стала снег разгребать. Вскинет лопату вверх, а снег серебряной пылью на её шубку и лицо садится. Холодно, весело.

Тропинка у Лены получилась неровная, узкая.

Проснулся братик Вася и вышел на крыльцо.

— Э, твоя тропинка никуда не годится! — закричал он. — Сегодня из города папа приедет, по такой тропинке он не пройдёт.

Взял Вася большую лопату и стал у лениной тропинки края шире размётывать. Разметал, расчистил и лопату черенком в снег воткнул.

— Вот как тропинки делают!

Пошла на скотный двор мама и прошла по тропинке. Хорошо. Прошёл в школу Вася. А пошла за водой бабушка — задела за край тропинки валенком.

«Нет, — подумала Лена, — опять узка, надо ещё шире делать».

Опять принялась она снег разбрасывать. Широкая стала тропинка. Набрала Лена на дворе сосновых веточек и вдоль тропинки их в снег воткнула. Постояла, полюбовалась. Из конца в конец два раза прошлась. А потом отправилась к бабушке чай пить. Только сели за стол — дверь распахнулась и на пороге папа. Обняла Лена папу и спрашивает:

— Папа, ты как к дому шёл?

— По тропинке.

— А эту тропинку я сделала!

Похвалил её папа. Все трое сели пить чай.

Целый день ходили по лениной тропинке люди: и бабушка ещё раз за водой ходила, и мама пришла со скотного двора, и Вася из школы. А потом стали приходить к папе гости: председатель колхоза, бригадиры. И все ленину тропинку хвалили.

Ленины подружки и соседские мальчики такие же тропинки у своих дворов понаделали.

Вечером, как собралась вся семья, папа спросил:

— Кто сегодня раньше всех работать начал?

Все указали на Лену.

Раскрыл папа чемодан и поставил перед дочкой новые туфельки — из города привёз.

ПЛАТОН ВОРОНЬКО

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

ПЕТРИКОВО МОРЕ

Мы в овраге по весне
Сделали плотину.
Натекло туда воды
Больше половины.

Дед челнок нам смастерил,
До чего хороший!
Мы достали в слободе
Маленьких рыбёшек.

Мы гречихой да пшеном
Их кормить решили.
С каждым днём растут мальки,
Вырастут большие.

Кто-то раков напустил.
С ними смех и горе.

Мы назвали наш прудок
«Петриково море».

Потому что это всё
Петрика затея,
Он и плавать учит нас,
Тех, кто посмелее.

Степь кругом, а тут вода.
Это просто чудо!
Вам такое бы, друзья,
Завести не худо.

Назовёте ль вы его
Озером, заливом,
Мы всегда поможем вам
Дружным коллективом.

Перевела с украинского Н. Саконская

КАК АМЕРИКАНЦЫ СМАНИВАЛИ МИЧУРИНА

В. ЛЕБЕДЕВ

Рис. П. ГОЛУБЬ

Самая северная часть Америки называется Канадой. Там нередко бывают очень лютые морозы.

И вот однажды пришло Мичурину из Канады письмо. Канадцы писали ему, что у них за последнюю зиму от жестоких морозов погибли все вишни, кроме одного сорта.

Этот сорт был выведен Иваном Владимировичем и какими-то путями попал в Америку. Он так и назывался: «Мичуринская плодородная».

Рассыпаясь в похвалах, канадцы умильно просили Мичурина прислать им как можно больше сортов, которые он вывел.

Но хоть и лестное было письмо, Мичурин не очень торопился исполнить просьбу заморских садоводов.

«Для родных русских людей в первую очередь вывожу я свои новые сорта...» — размышлял он.

Однако американцы не унялись.

Через некоторое время приехал к Мичурину в Козлов американец. Да не простой какой-нибудь, а профессор, по имени Франк Норрис Мэйор.

Одет был американец в широкое клетчатое пальто и шляпу. А Мичурин, вышедший к нему навстречу, был одет так скромно, что американец принял его сперва просто за садового рабочего.

Иван Владимирович не спешил раскрывать, кто он такой, но американец быстро догадался, что перед ним находится сам Мичурин.

Он начал соболезновать Ивану Владимировичу:

— Удивительно и непонятно, мистер Мичурин, почему ваше правительство не даёт вам достаточно слуг?

А правительство было в то время в России царское. Оно мало интересовалось трудами и успехами Мичурина и никакой помощи ему не давало.

— И ещё более удивительно, — продолжал американец, — что вы один, без всякой помощи, создали такой чудесный сад!

А сад в ту пору у Мичурина был уже в самом деле чудесен.

На ветвях «Китаек» висели крупные, красивые яблоки новых сортов: «Кандиль-китайки», «Шафран-китайки», «Бельфлёр-китайки». Красовались знаменитые мичуринские груши – «Бере-зимняя Мичурина», «Бере-победа», сладкие, душистые, сочные.

Множество сортов вишен и слив было выведено Мичуриным. Свой северный виноград и не боящиеся зимы абрикосы мог показать Мичурин гостю. А сколько всякого иного добра было в саду: и малина «Гигант», и ежевика «Изобильная», и смородина с ягодами величиною с вишню... А розы, а лилии!

Без конца восторгался американец Мэйор тем, что он увидел в саду Мичурина.

И, наконец, с глубоким и почтительным поклоном, он сказал Мичурину так:

— Я прислан для того, чтобы пригласить вас в Америку, мистер Мичурин... Мы, американцы, настолько богаты, что можем купить все ваши деревья, выкопать их с корнями из земли, упаковать, как полагается, и погрузить их вместе со всем вашим имуществом и семейством на специальный пароход! Дайте только ваше согласие, и всё это немедленно будет сделано!

Нелегко было, однако, соблазнить патриота Мичурина, до глубины сердца преданного родной стране — России.

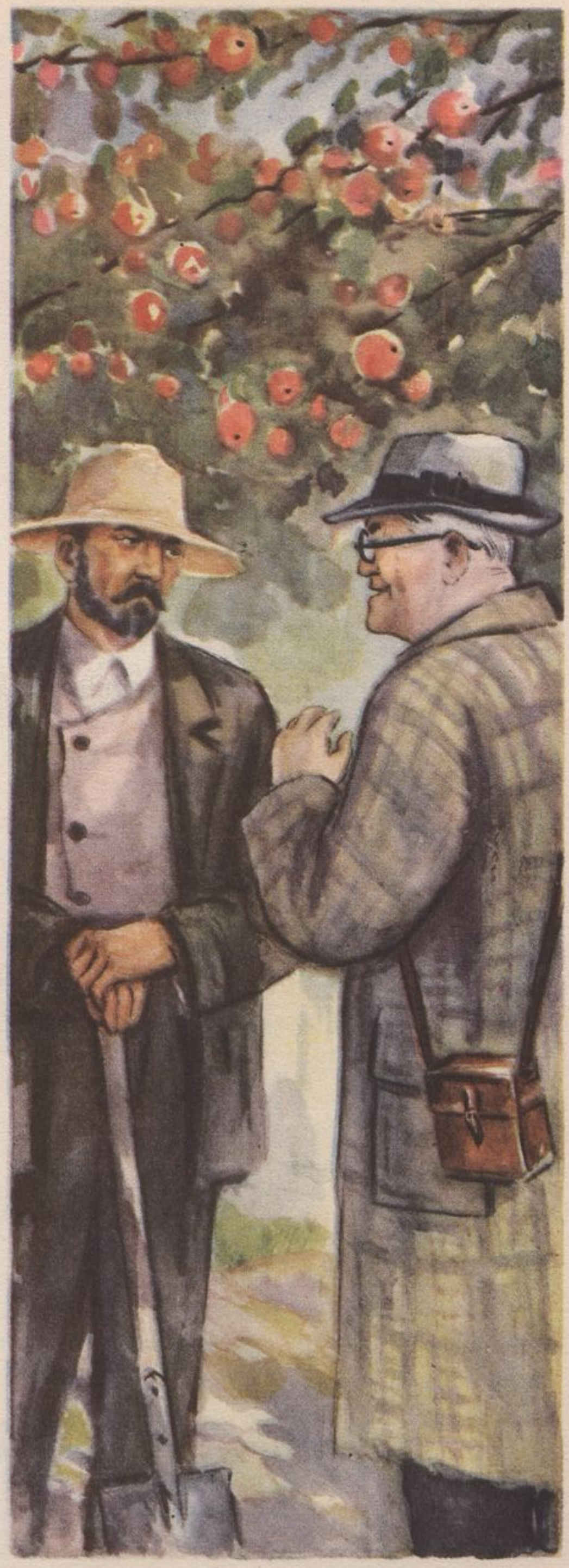
Он наотрез отказался! Теперь он уже вслух высказал то, о чём думал после письма из Канады.

— Я никогда не покину землю и тот народ, для которого я тружусь всю жизнь... — так гордо и твёрдо ответил он американцу.

Долго уговаривал американец, долго соблазнял Мичурина разными выгодами и благами, которые Мичурин, по его словам, мог получить от переезда в Америку. Иван Владимирович и слушать не хотел об этом.

Пришлось ни с чем уехать домой, за океан, американскому профессору Мэйору.

Но американцы на этом не успокоились. Снова через некоторое время пришло



Мичурину письмо, на этот раз уже от американского правительства.

Опять, уже в письменном виде, повторялись все уговаривания и соблазны.

«Вы можете выбрать себе в Америке любую местность, какая только Вам, мистер Мичурин, понравится, даже такую местность, какая будет напоминать Вам Ваше российское местожительство... — так писали американцы. — Мы предоставим Вам любое количество помощников, и, кроме всего, 8 000 долларов жалованья чистым золотом...»

Но американское золото и на этот раз не соблазнило Ивана Владимировича.

Он и на это письмо ответил полным, решительным отказом.

Мичурин остался верен своему народу и до конца своих дней продолжал служить родной стране.

ЛЕТУЧКА КЛЕНА

Мы возвращались из леса, куда ходили за желудями, и уже вышли в поле, когда Катя крикнула:

— Смотрите, что я нашла!

На дороге лежала летучка клёна — два скрепленных вместе крылатых семечка. В поле эти лесные семена казались диковинкой, поблизости от дороги клёны не росли.

— Это ветер лес сеет, — гордая своей находкой, продолжала Катя. — Он хорошо сеет, далеко сеет. Вон куда летучку занёс.

— А человек может ещё дальше, — заметил Миша. — Ветру из леса в степь не залететь. А мы в степи леса сеем, чтоб там не было засухи. В газете карта была напечатана. Там показано, где будут леса. Я эту карту сберёг. Хотите покажу?

И Миша вынул из кармана курточки бережно сложенный лист бумаги. Все обступили Мишу.

И. ИЛЬИН и Е. СЕГАЛ *Рис. К. КАЩЕЕВА*

ТОВАРИЩИ ТВОИХ ИГР

Ты уже не маленький. Каждое утро ты встаёшь рано и уходишь в школу. У тебя теперь в почёте книжки, тетрадки, цветные карандаши. О своих старых товарищах — игрушках — ты вспоминаешь редко.

Они давно уже живут взаперти — в нижнем ящике шкафа. Там свалены в кучу и кубики, и волчок, и Ванька-встанька, и заводной автомобиль.

Но не забывай своих старых товарищей. Они тебе ещё пригодятся.

Видал ли ты корабли в море?

Даже на больших волнах корабль только качается, кланяется, но не опрокидывается.

А когда ты весной пускаешь в ручейке или в луже самодельный кораблик, он у тебя нередко переворачивается вверх дном. И всё это оттого, что ты не посоветовался с Ванькой-встанькой.

Отчего Ванька-встанька упрямый? Отчего он встаёт каждый раз, когда его кладут набок? Оттого, что голова у него лёгкая, а внизу в него положен для тяжести свинец.

Корабль — это тоже Ванька-встанька, только очень большой. В самый низ корабля — в трюм — всегда кладут тяжёлый груз. Небольшие парусные суда — яхты — делают с чугунным или свинцовым килем.

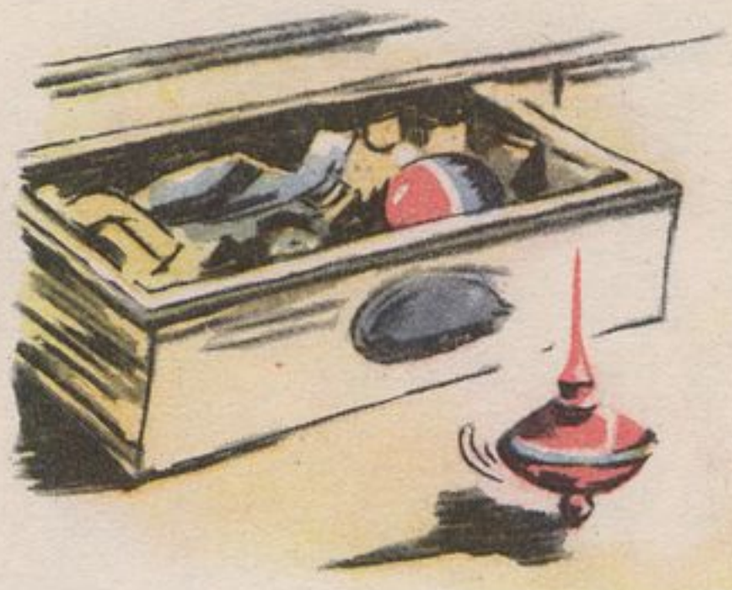
Вот почему корабли на море не опрокидываются.

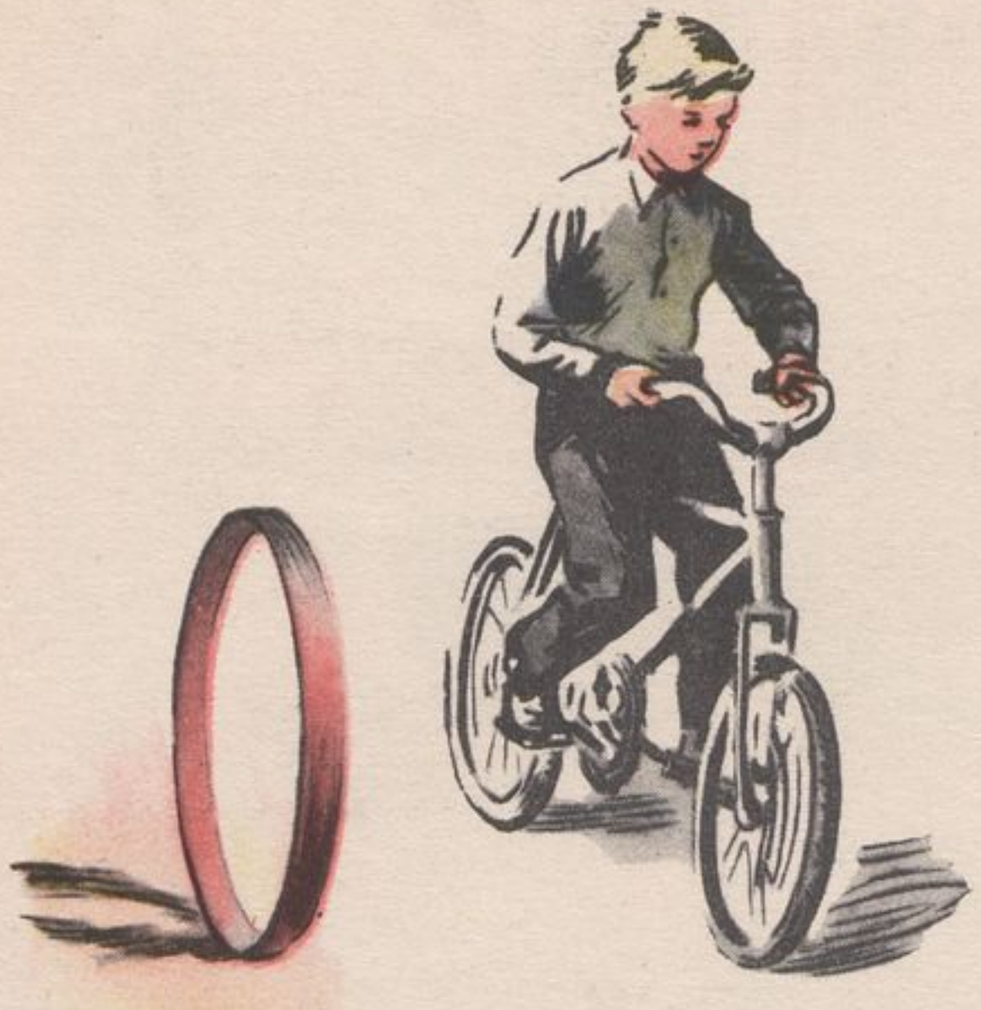
Есть у тебя среди старых игрушек и другой упрямец — волчок. Если ты его толкнёшь, он сердито зажужжит, выпрямится и будет вертеться доупаду, пока сил хватит.

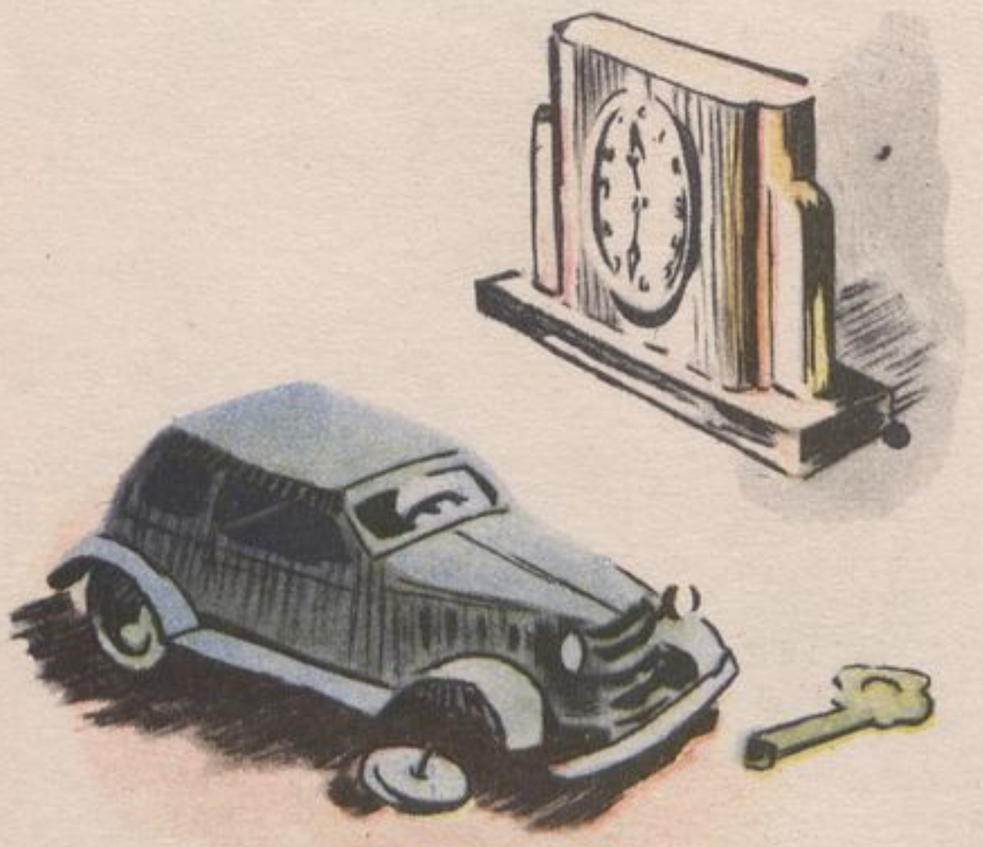
Кажется, какая может быть польза от волчка?

А между тем его уважают не только дети, но и взрослые. Учёные написали о волчке немало книг. А инженеры с его помощью построили много хитрых машин.

Есть компас-волчок: он указывает дорогу морякам.







Есть рулевой-волчок: он может сам без человека вести корабль туда, куда велит капитан.

Так людям пригодилось упрямство волчка.

Поройся в куче старых игрушек. Ты найдешь там полинявший обруч и палочку-догонялочку.

Сколько раз в хорошую и в плохую погоду гонял ты этот обруч по дорогам и без дорог, по песку и по асфальту. Стоило тебе оставить его в покое, он валился на землю. А когда ты его подгонял палочкой, он бежал ровно, словно никак не мог решить, куда ему упасть, — вправо или влево.

Обруч тоже людям пригодился.

Изобретатель и строитель велосипеда уральский мастеровой Артамонов, может быть, впервые подумал о своей машине ещё в те времена, когда он вместе с толпой таких же босоногих ребятишек лихо гонял по деревне ржавые обручи со старых кадок.

Ведь колесо у велосипеда — тот же обруч. Чтобы оно не падало, приходится его всё время подгонять — только не руками, а ногами.

В куче игрушек сохранился каким-то чудом заводной автомобиль.

Его тебе подарили, когда ты был ещё совсем мал.

Как ты радовался, когда автомобиль, гудя, вырывался у тебя из рук и устремлялся вперёд. Характер у него был упрямый, -- никому никогда дороги не уступит.

Бывало, несётся вперёд. А перед ним — ножка стола. Другой бы свернул в сторону, а ему хоть бы что! Лезет напрямик: сворачивай, не то задавлю! И дело кончалось тем, что автомобиль налетал на ножку и опрокидывался вверх колёсами. Но он и тут не успокаивался. Лёжа на спине, он жужжал, как жук, и вертел колёсами, пока не кончался завод.

В одну из таких аварий он потерял колесо. А пружина у него лопнула оттого, что ты его заводил слишком усердно. После этого он мог двигаться только на буксире — на веревочке.

И все-таки даже от этого испорченного автомобиля может быть польза.

Если ты разберёшь его на части и разглядишь, что у него внутри, ты узнаешь как он устроен. А вдобавок ты лучше станешь понимать, как устроены часы.

Ведь часы и заводной автомобиль — близкие родственники. В часах тоже вместо мотора — пружина. Часы тоже приходится заводить, чтобы они ходили.

Пружина — упрямая штука. Ты её закручиваешь, а она раскручивается. Но люди умеют пользоваться упрямством вещей. Они говорят пружине: «Ладно, так и быть, раскручивайся, а заодно и поработай. Вот тебе колёсико с зубчиками, верти его. А оно будет зацеплять другое колёсико. А то колёсико будет стрелки вертеть. А стрелки время указывать».

Больше всего у тебя в ящике кубиков — всех цветов и размеров. Сколько ты построил из них домов и крепостей!

Были у тебя и другие игрушки, большей частью самодельные. Многие из них не дожили до этого дня.

Помнишь, ты сделал бумажную вертушку и насадил её на булавочку, а булавочку воткнул в палочку?

Ветер дул и заставлял вертушку быстро-быстро вертеться.

А знаешь ли ты, на что похожа твоя вертушка?

На ветряную мельницу. Ветер вращает деревянные крылья, крылья вертят жернов, а жернов мелет зерно.

Есть ветряки, которые качают воду и освещают электричеством дома.

Видишь, и от вертушки может быть польза, если за неё с умом взяться.

От самых простых вещей идёт нередко дорога к большим и сложным: от бумажной вертушки — к ветряку, от воздушного змея — к самолету, от Ваньки-встаньки — к кораблю. Простая вещь помогает понять сложную, игрушка объясняет машину.

Получше приглядывайся к простым вещам, которые видишь каждый день. На своем пути ты ещё не раз встретишь товарищей детских игр. Доска, на которой ты качаешься с приятелем, мячик, отскакивающий от стенки, яркий зайчик, наведённый зеркалом, сверкающий мыльный пузырь — все это вспомнится тебе, когда ты будешь учиться, и поможет понять мир, который тебя окружает.

Д. МИРОНОВА *Рис. Е. РАЧЁВА*

ЕЖИХА

Лежит больная ежиха, как камень у тропы. Никто её не накормит, никто не напоит, никто на тёплое солнышко не перенесёт.

А день в лесу тихий, ясный. Птицы в один голос поют. Две лисицы-рыжухи под ёлками в прятки играют. Зайчиха на полянку вышла, деток своих ведёт. А они мал-мала меньше, один другого толще. И шубки на них блестят, словно свечкой натёртые.

Рассыпались зайчата в разные стороны, как шишки еловые. И пошла у них игра: кто в чехарду, кто в прятки, кто сам с собою пляшет. А самый маленький сел под ёлку и запел:

Я заяц Тупохвост,
Лапками стук-стук,
Хвостиком хлоп-хлоп...
Ты, ёлочка зелёная,
Бросай ко мне иголочки,
А в братишек — шишки...

Только Тупохвост пропел песню, ёлка руки растопырила, далеко шишки свои разбросала. На поляне такая возня поднялась — даже молодая берёзка проснулась, листьями зашумела: ш... ш... ш...

Ежиха слушает весёлую возню, а ей не до веселья. Лежит, горюет.

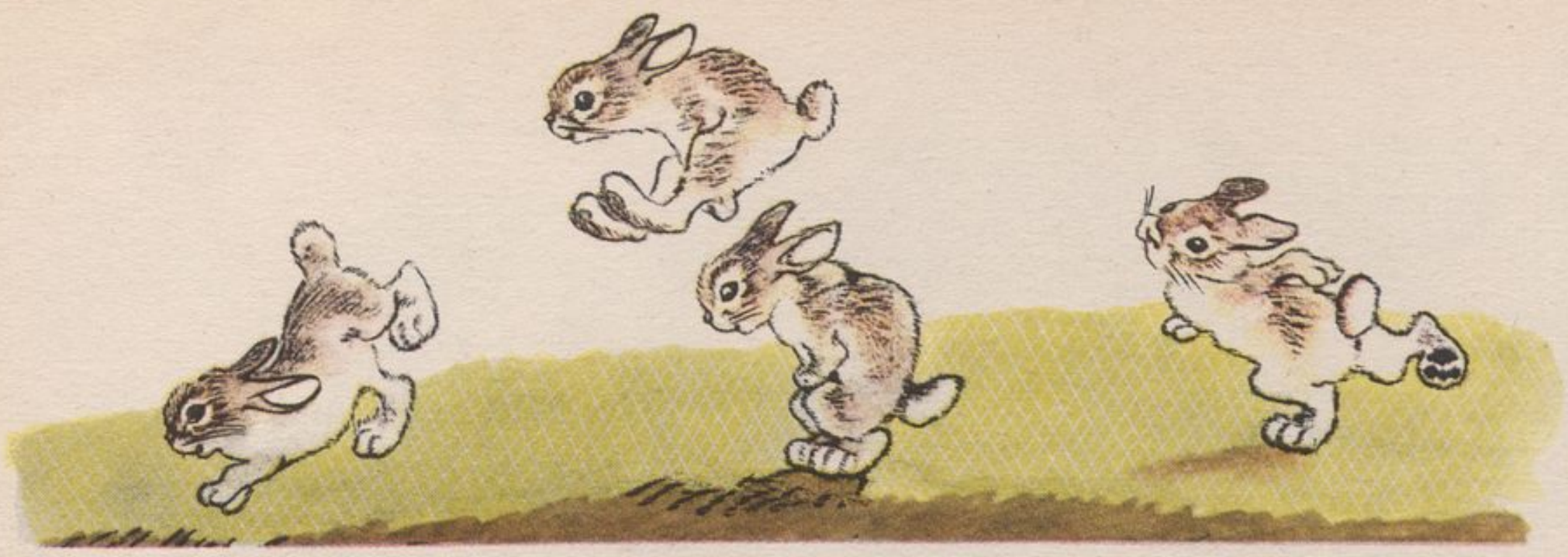
Подошла к ней зайчиха, спрашивает:

— Ты чего, ежиха, лежишь, как мешок? Или солнце тебе не на пользу, иль ты от веселья моих деток притомилась?

— Нет, — отвечает ежиха, — меня хворь в сырые листья уложила. Завидую я тебе, зайчиха, — деток у тебя много, а я вот одна-одинёшенька осталась.

— А ты, пока больна, к нам жить иди, — говорит зайчиха. — В большой семье лишний рот не помеха...

Ударила зайчиха лапой по зелёному лопуху. Не успела ежиха слезу обронить, как перед ней выросли шесть мордастых зайчаток.



— А ну-ка, Черноух, — сказала мать старшему, — беги сучьев наломай. Вы, Остроухи, плетёнку сплетите. Белобрюхи моху пусть наберут, а Серошубка из моха мягкую перинку сделает.

Так и сделали зайчата, как мать велела. Сплели плетёнку из сучьев, положили ежиху на мягкую перинку и в заячью избу отнесли. А изба у зайчихи чистая, опрятная. На лавке квашня с тестом стоит, на полках чугунки и горшочки.

Стала ежиха поправляться, кормили её щами из капустки, ватрушками из репки, киселём из гороха, а еду она брагой из морковки запивала. Ожила ежиха, повеселела.

Говорит она зайчихе:

— Неохота мне от вас уходить. Все вы ласковые да затейники, весь день в весёлом труде живёте.

— Ну, и не уходи, — говорит зайчиха. — Вместе всегда лучше.

Так и осталась ежиха в зайкиной избе жить. Зайчат научила шёрстку прясть и варежки вязать.

Пришла зима. Избушку снегом занесло, а заячьей семье и горя мало. В углу на сухой соломе капуста сушёная лежит, под лавкой тыква вяленая собрана, горох в бочонке, грибы сушёные по стенке развешаны, подсолнух в решете, а сок морковный по крынкам разлит...

Подойдёт вечер, месяц в зайкину избу заглянет. Зайчиха у печки хлопочет, зайчатки шёрстку прядут, ежиха нитку тянет, клубочек об пол стучит, а иглы варежки вяжут.

Хорошо вместе дружно жить — и работа лучше спорится и отдых куда веселее!

На 3-й странице портрет И. В. Сталина работы художника В. Сурьянинова. На обложке рисунок К. Кащеева

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ.

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор А. Губер

Год издания двадцать шестой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06. Подписано к печати 1.X 1949 г. А11888. Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л. Тираж 124 500 экз. Заказ 1715.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.

10866

„Салют на Красной площади". Рисунок Саши Комарова, 8 лет.

0 НОЯ 1049